

идят Пушкин, Гоголь, Шмелев, Достоевский, Никифоров-Волгин, смотрят на Россию и ведут беседу.

Гоголь: «Как Россию спасти от вымирания? Огромная и богатейшая земля! Какие традиции, такая культура, больше всех святых Господь нам дал! А люди, какие душевные!»

Шмелев: «Сказано в Евангелии: «Ничего не можете творить без меня», также сказано: «Сотворите достойные плоды покаяния», но как это донести до ума и сердца? Уже осталось 146 миллионов человек, из них 60 процентов крещенных, а на исповедь и причастие ходят только 4 процента, то ли было в наше время: 70 процентов воцерковленных!».

Достоевский: «Да, брат, Россия – это непроходящая душевная боль, но почему-то наш народ со слов вообще не понимает. Как изменить Россию пьющую, чтобы все по-человечески было, если Святой дух несовместим с пьянством? Надо спросить у брата Василия».

Никифоров Волгин: «Скорби и болезни даже праздный дух в тело возвращают, а войны – это время, когда все молятся! Нельзя все это описать и передать, братья. Без воли Божьей, печатное слово не касается души, только разум наполняет, поэтому и не произойдет чуда!»

Пушкин: «Да, брат, и я еще заметил: человеку, когда он сытый, вообще ничего не объяснишь, хоть в стихах, хоть в прозе. Он в таком состоянии даже прочитанное пересказать не может. Учеба усваивается впроголодь!»

Достоевский: «Брат Александр, тебя во все времена читали и учить заставляли, с кем сравнивать? Пушкин – это и слог, и парение мысли, всем кажется: он дышит словом. Но это больше для интеллигенции, чем для простого люда».

Гоголь: «Александр Сергеевич, конечно, гений! Писал с Ангелом, но до сих пор не признается, а жену выбрал, что весь двор оборачивался».

Пушкин: «Зависть – уязвленное самолюбие, даже до дуэли доводит. Кстати, Николай Васильевич, зачем нужно было быть монахом в миру? Чтоб невидимое мира видеть с бесами и Ангелами, или писать, как струны ветром качать?»

Гоголь: «Хотел меньше грешить. Не ел, целомудрие хранил, о России думал, на исповеди каждую неделю...»

Достоевский: «Священники от наших исповедей страдают не меньше, чем грешные, которых Господь ведет. Николай Васильевич, ты зачем второй том пожег «Мертвых Душ»? В одном названии сколько заложено».

Шмелев: «Братья, сейчас всех по хрестоматии изучают, и сочинения готовые продают. А читают писателей, пишущих в чувственно-журналистском стиле с привязкой к атрибутам времени». Пушкин: «Непризнание мира... Господу известно, на дворе двадцать первый век. Кто будет дописывать «Мертвые души»? Только название бы оставили. Всем интересно, как Собакевичи стали олигархами. Маниловы в «творчестве» мечты в страсти превращают, некоторые на телевидении, остальные в шоу-бизнесе. Вот Плюшкины изменились, стали активнее – торговля, мелкий и средний бизнес ...»

Гоголь: «Что ни говори – прагматичный читатель пошел в России, все бы им кратко и по существу, как в словаре Даля, даже сказки Салтыкова-Щедрина читать не хотят».

Достоевский: «Братья чтение – это духовный труд. Сегодня читают сами 15 процентов населения, для них и пишут, остальные в России читают по необходимости, но насильно добру не научишь, не верят ни во что, тем более что можно в Рай попасть ...отсюда и направленность в познании земного ».

Никифоров - Волгин: «Сегодня общество познает мир не по книгам. А люди интересуют власть вообще только в качестве электората. Но и здесь политтехнологи

могли бы тестировать по литературе: кто читает Достоевского – тот больше патриот, чем член партии патриотов; что ни произведение, то плакать хочется. Обостренное чувство справедливости не всем дано! Кому близка тема свободы и равенства, иным призывы о справедливости и равноправии...».

Гоголь (перебивая): «Как это сложно, а кто ничего не читает?»

Никифоров Волгин: «Тех завлекают короткими, рублеными фразами: «Каждой женщине по шубе», «Молодым семьям по квартире!!!» или, например, предлагают обсудить многоженство, то есть собрать голоса тайных мечтателей!»

Пушкин: «А такой революционный призыв: «Врать и не бояться, или брать и бояться, на кого рассчитан?»

Никифоров Волгин: «Это на протестный электорат – кто уже ни во что не верит, а только хочет ...».

Гоголь: «Веры нет, читают мало....(пауза), и раньше говорили, что, «литература занятие праздное», а сейчас телеблуд обгоняет по рейтингу передач новости! Собственная судьба никого не интересует, а наши произведения, братья, как сытым графьям - народ».

Пушкин: «Кстати, кто-нибудь по Льву Толстому, сейчас, молится, что-то долго его с нами нет?».

Гоголь: «От высокоумия до прелести границы явной нет. Ну, понятно, самомнение каждый имеет, но Евангелие, зачем переписывать, по нему же целых три раза Собор собирался!!!»

Достоевский: «Может, кто из толстовцев за него молится? Или нельзя молиться за тех,

кого анафеме предали, Василий Акимович?»

Никифоров Волгин: «Не знаю, хоть и в церкви служил! В серебряном веке анафема и суицид на фоне массовых расстрелов, отдельно не оплакивались... ах, скольких жизнь сломала в лихолетье-то...».

Шмелев: «От безбожия, братья, все проблемы и были и есть! Как убедить человека читать Святое Евангелие, Добротолубие, сочинения Игнатия Брянчанинова – на них печать Святого Духа»? Как там Тихон Задонский сказал «Без Бога нам Бога не познать».

Никифоров Волгин: «Братья, нам-то с вами осталась только молитва, а живые могут что-нибудь сделать. Важно только сердечное желание, остальное Господь управит!»

Народная мудрость: Умом Россию не понять... ...в Россию можно только верить.